
Малое
собрание
сочинений

Морис
ДРЮОН

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

Сладострастие бытия

От автора

Не будучи уверен в том, что при нынешнем состоянии умов читательская аудитория сразу же и правильно поймет идею этого произведения, я полагаю, что должен дать читателю предварительное объяснение.

В данном романе я постарался рассмотреть вопрос о положении женщин, истинным общественным призванием которых является любовь, в обществе, которое не признает за ними это положение.

В Древнем мире женщины делились на две совершенно противоположные категории: они были либо матронами, либо куртизанками. И те и другие занимали одинаково известное и уважаемое положение в обществе.

В Египте времен правления фараонов куртизанки были частью духовенства наравне с певицами, танцовщицами и музыкантами, и их часто путали. Объединенные в священные товарищества, они предназначались исключительно для священнослужителей, этих всесторонне образованных людей, которые предreshали поступки людей, ссылаясь на изменения, происходящие в космосе.

Хорошо известно, какое место занимали греческие куртизанки при писателях, художниках и государственных деятелях. Некоторые из них стали столь известными, что до нас дошли их имена. А ведь для того, чтобы эту известность завоевать, им приходилось выдерживать яростную конкуренцию и привлекать к себе общественное внимание.

Генералы могут прославиться только на войне. История Средних веков изобилует именами известных полководцев и предсказателей, но не дает нам имен куртизанок. Броня и сутана приводят к загрязнению как тела, так и ума, не располагая ни к искусству, ни к любви, ни тем более к искусству любви. И женщины, которые чувствовали, что призваны к чему-то другому, кроме материнства, имели весьма скудный выбор, скорее альтернативу: или искать приключений на войне, или же укрыться в монастыре в поисках приключений мистических.

Но когда передовые люди эпохи Возрождения взялись за дело облагораживания общества и избавления его от средневекового скотства, когда они стали пытаться откопать Платона из-под завалов Евангелий, когда они нарисовали изображение Гермеса Трисмегиста на каменных плитах храмов, — вот тогда положение куртизанки как естественного явления развития общества вновь проявилось в полном блеске.

Любовницы пап римских и кардиналов стали тем, чем были великие гетеры Древнего мира, а когда дважды король Генрих Третий, бросив один престол для того, чтобы занять другой, сделал остановку в Венеции, свой первый официальный визит он нанес самой известной куртизанке того времени, которая приняла его в окружении собственного двора и подарила ему специально ею для него сочиненный сонет. И только потом королям завладели матроны, отбившие его у «флейтисток».

Где же теперь куртизанки былых времен?

В Японии гейши, эти особы, специально обученные искусству нравиться и поддерживать компанию, продолжают объединяться в некую корпорацию. Они требуют к себе почтения, их тело не может быть предметом закулисных сделок, для них занятие любовью, не будучи обязательным атрибутом профессии, является как бы венцом изысканно-учтивой церемонии. Они принимают гостей у себя дома или же выезжают в другое место в городе, угощают чаем, поют, читают стихи, а потом, если гость проявит такое желание, могут согласиться заняться любовью.

В Индии в наши дни баядерка занимает положение, довольно схожее с тем, которое занимали в Древнем Египте священные гетеры. Они закреплены за определенным храмом, привязаны к определенному богослужению, но ведут себя точно так же, хотя и делают это тайком, на частных праздниках. Их дети мужского пола становятся музыкантами, а девочки, как и матери, баядерками. Если можно так выразиться, они, поколение за поколением, являются внебрачными детьми, и это, очевидно, связано со священной традицией, равно как и любовные услуги, которые они оказывают путникам. Их любовное искусство наполнено традициями, как традиционны и их позы и все жесты их танцев. И надо быть мужланами, такими, как мы есть или какими нас сделали, чтобы краснеть или улыбаться при виде эротических поз фигурок горельефов храмов, метафизический смысл которых остается для нас непонятным.

Неужели на Западе куртизанки выродились? Конечно же нет! Но в обществе, которое отказывается признать их существование, где такие женщины принуждены радоваться уже тому, что их терпят, где они живут если не вне закона, то по крайней мере в обстановке всеобщего порицания и довольно подлого презрения со стороны тех самых мужчин, которые так в них нуждаются, женщины устроились так, как смогли.

Они были фаворитками королей, пока им везло и были еще на свете короли, интриганками в периоды революционных потрясений, чаровницами во времена Директории, романтическими Лореттами, искательницами приключений первых лет покорения Нового Света, львицами времен Второй империи. Они цеплялись за всякие перемены в истории с упорством угнетенного меньшинства. По крайней мере те, у кого достало смелости, и те, кто взял на вооружение такое средство, как скандалы, которые сами же и провоцировали. Но у скольких других пропало призвание к свободной любви, которое было подавлено страхом перед осуждением общества!

Сегодня те женщины, в ком говорит естество куртизанки, те, что стараются любой ценой заниматься среди нас этим ре-

меслом, и являются чаще всего теми постоянно неуравновешенными, вечно неудовлетворенными созданиями, которые разводятся по шесть раз или же вообще не выходят замуж, ненавидят своих мужей, которых считают недостойными их верности, изводят любовников, никогда им всецело не принадлежавших, без конца мечтают о приобретении буржуазного благополучия, к которому сами никак не могут приспособиться, но без которого не могут и жить. Они пробуют себя на двух десятках различных работ, сеют везде, где появляются, раздор и драму и, имея, как говорится, «все для того, чтобы быть счастливыми», счастья не знают по причине того, что нет у них достойного их общественного положения и не могут они заниматься профессией по призванию, не покрыв себя позором.

И однако, именно среди таких вот женщин встречаются самые привлекательные.

Не надо путать куртизанку с проституткой. Путаницу в эти понятия внесли почтенные матроны. Екатерина Медичи, например, назвала Диану де Пуатье шлюхой.

Проститутка является рабыней, которая продает сама себя на постоянно действующем рынке. Она представляет собой типичный образчик последней уцелевшей формы рабства. Проститутка — «раба телом», которая подчинена мужчине — не какому-то конкретному, а мужчине вообще, — являющемуся ее покорителем и повелителем. Она, как рабыня Древнего мира, не имеет ни честолюбия, ни особых надежд на будущее, и точно так же, как рабыню, ее доводят до этого состояния комплекс причин экономического характера и жизненные неудачи. Проституция — это отказ от личного счастья.

Куртизанка же, напротив, является женщиной свободной; она мыслит себя таковой и хочет всегда свободной оставаться. Она во всяком случае намного свободнее женщин замужних.

Если ей и случается — в начале карьеры или в трудные минуты жизни — отдаваться за деньги мужчинам, которые ей совсем не нравятся, она всегда может сказать, что огромное

число честных жен заключают подобные сделки каждый вечер в постелях с мужьями, которых они не любят, но которые обеспечивают их существование. Куртизанка живет за счет своих чар так же, как художник живет за счет своих картин, уступая их любителям; и куртизанка так же дарит свои чары друзьям. Но спутать ее с проституткой — это все равно что спутать полотно кисти Веронезе со стеной, покрашенной маляром.

Для проститутки занятие любовью — это ремесло. Для куртизанки — искусство. Кому-то, возможно, не нравится само слово «куртизанка» из-за того, что оно было неоднократно дискредитировано. Но ведь называют же танцовщицами или певицами женщин, занимающихся танцами и пением, и, следовательно, надо называть любовницами тех, кто занимается любовью как искусством.

Получение денег еще не значит, что женщина стала куртизанкой. Очень многие женщины, живущие на содержании у мужчин, являются всего лишь неудавшимися женами.

Куртизанка по природе своей не продажна. Она любит деньги, пока они дают ей власть, поскольку деньги позволяют ей быть королевой и потому что истраченные на нее состояния и происходящие из-за нее разорения являются атрибутами всенародного признания ценности ее особы. Роскошь для нее не только удовольствие, это ее достоинство, подтверждение ее ранга, как для принцев пышность.

Но ее, естественно, привлекает все королевское: талант, власть, рекорды атлетов, геройские поступки, слава, гениальность. Она — прирожденная спутница всего того, что одерживает верх и не повторяется.

Куртизанками становятся не в результате воздействия окружения, а по причине особого темперамента и глубокой натуры. Куртизанка может родиться как на ферме, так и в замке, как в буржуазной квартире где-нибудь в долине Монсо, так и в рабочем предместье. Из двух сестер, воспитанных в одинаковых условиях, одна может стать примерной женой, а другая — куртизанкой. Почему? Психологи дадут на этот вопрос один

ответ, а астрологи, возможно, другой. А для того чтобы получить исчерпывающий ответ, надо будет разгадать секрет хромосом.

После окончания первой войны этого века места куртизанок все чаще занимают светские женщины, которые привносят в эту профессию новые высокие оттенки. Вымученная аристократия, из среды которой они выходят, теряя с каждым годом свое значение в обществе с установившимся порядком, с очень большим небрежением требует от этих женщин соблюдения моральных норм, гарантирующих поддержание указанного порядка. Праздные наследницы традиционной утонченности, воспитанные или умело выдающие себя за таковых, часто обладающие к тому же личными средствами к существованию (некоторые из этих женщин ни разу в жизни не взяли от мужчин ни единого су), очень рассердились бы, если бы кто-нибудь назвал их подлинными именами: добровольные гетеры. Другие, считающие себя ничем мужчинам не обязанными, потому что отказываются принимать от мужчин чеки, хотя принимают драгоценности, которые затем продают, а также те, которые полагают совершенно нормальным то, что мужчины оплачивают их дорогостоящие удовольствия, «потому что они их любят», оскорбились бы еще сильнее, если бы и их причислили к этой корпорации. Любая содержанка считает себя морально выше всех других женщин, живущих на содержании мужчин, ибо она не знает, за что именно ценят себя и уважают эти другие женщины.

Следует добавить, что мужчины начинают платить все меньше и меньше, кроме как другим мужчинам. В наше время великими созданиями, живущими на содержании, являются гомосексуалисты. И именно некоторым «увлеченным» молодым людям — которые умудряются прожить за счет этого «увлечения» гораздо дольше юношеских лет — сегодня достаются, и это ни для кого не секрет, шикарные машины, огромные дома, богатые особняки, виллы на модных взморьях. Это для них миллиардерши-дилетантки устраивают балы, празднества, которые являются не чем иным, как триумфом ничтожеств, на

которых деньги льются рекой, на которых те блистают только одно мгновение. Некоторые из этих эфебов, повзрослев, присваивают себе фальшивые титулы, подобно тому как кокотки украшают себя фальшивыми драгоценностями; под этими лжетитулами они и входят в галантную хронику. Эти франты, пребывая в возбуждении от собственной чрезмерной напыщенности, некоторым образом влияют на вкусы и определяют развитие моды; экстравагантность — неотъемлемая сторона их ремесла. Отношение женщин к ним просто удивительно: женщины над ними насмеяются, но сами вертятся вокруг них, образуют при них раздраженно-завистливые кортежи; они являются настоящими «королевами», несмотря на неодобрительное отношение к ним женщин, чьи права и доходы они узурпируют.

Не оттого ли это происходит, что женщины оставили вакантными некоторые роли, иные профессии, которые раньше принадлежали только им, и посему, за неимением претенденток, места эти сегодня оказались заняты подобными травести?

Вовсе не похожая на проститутку, куртизанка, «жрица любви», сродни актрисе, примадонне, звезде. И здесь-то более, чем где-либо, очень трудно провести разграничительную линию. Куртизанка, как и актриса, должна нравиться, блистать, привлекать к себе всеобщее внимание. Она также зависит от постоянного выбора и нуждается в одобрении и восхищении других для того, чтобы быть уверенной в собственном превосходстве над другими, в своем успехе. И она вынуждена не только принимать тяжелое бремя известности, но и сама искать эту светскую известность, а посему она живет в условиях постоянной саморекламы. Если почтенная матрона покажется на людях небрежно одетой, она от этого быть матроной не перестанет. А куртизанка не может позволить себе подобную выходку: это было бы равносильно тому, что актриса вдруг появится на сцене, позабыв надеть костюм своей героини.

Эти обе профессии характеризуются очень схожими устремлениями и поэтому требуют обладания схожими дарованиями. Многие куртизанки, чтобы испробовать свои силы, пытаются играть на сцене, равно как ряды куртизанок часто пополняются неудачницами сцены. Некоторые женщины умудряются добиваться успеха в обеих профессиях одновременно. И когда какой-нибудь глава государства направляется за кулисы, чтобы поздравить какую-то актрису, чья жизнь подробно освещена во многих журналах, рискуя отставкой с поста государственного служащего, он, по сути дела, поступает точно так же, как Генрих III.

Заметим также, что лиц, прославившихся на любовном поприще, будь то мужчина или женщина, ничуть не больше среди людей их поколения, чем великих драматических актеров и государственных деятелей. Лицо века определяют очень немногие личности.

Можно легко допустить, что матроны относятся к куртизанкам с ревностью и ненавистью. У куртизанок есть все, чему матроны завидуют: успех, роскошь, отсутствие монотонности существования, свобода выбора партнеров для занятия любовью. Но матронам следовало бы быть признательными куртизанкам, поскольку те, сами того не осознавая, работают на благо матрон.

Ведь если законные жены освобождены сегодня от многих ограничений, если могут они пользоваться косметикой, носить тонкое белье, посещать без мужей общественные места, то этим они обязаны исключительно дамам «полусвета» начала века. Те, приняв на себя потоки оскорблений, пробили брешь в стене строгости или глупости нравов.

Каждая женщина, стоит ее только выслушать, охотно дает понять, что в глубине души является куртизанкой и что, пожелай она...

У каждого мужчины в душе есть уголок, где живет поэт. Но до Гёте им столь же далеко, как мыльной пене в тазике для стирки белья далеко до океанской пены.

На деле разграничение между матронами и куртизанками лежит в различии между отношениями к зачатию и к любви.

Древние цивилизации считали занятия наукой, искусством и любовью священными, что, собственно, является чисто человеческими ценностями. И это идет вразрез с христианской концепцией. Поскольку основоположники христианства, выдавая демографические потребности за волю Божию (эта ошибка идет из Библии), навязали Западу самую что ни на есть собачью половую мораль, призывая людей совокупляться только лишь для того, чтобы размножаться, то есть продлевать род. Реформация, отменив некоторые запреты и догмы, не сумела все-таки освободить людей от этого постулата о размножении. Буржуазия, даже не будучи верующей, воспользовалась церковью и навязанной ею моралью для сохранения своих привилегий — и только повторила эту ошибку. Сегодня мы представляем себе, что мы очень свободны и не подвластны обычаям. Но в любви мы не больше чем застенчивые, стыдливые и неловкие неучи по сравнению с древними.

Занятие любовью ради самой любви, ради получения наслаждения и достижения блаженства, которые доставляет это искусство, сохраняет для подавляющего большинства людей некий оттенок греховности, привкус запретного. Нам твердят, что ад расположен где-то в области таза. Но вот уже две тысячи лет «жрицы любви» ведут правую войну против этого ада.

Потомство, когда оно действительно желанно, пока оно не выступает как фатальная неизбежность, как действие биологического закона (а ведь человеческое существо имеет еще достаточно силы, чтобы побороть эту неизбежность), всегда является свидетельством неудовлетворенности, неумения самовыразиться, уступкой будущему. В желании продлить свой род и даже в самом согласии иметь потомство всегда есть некий оттенок капитуляции перед судьбой.

Люди, желающие иметь детей, чаще всего хотят, чтобы их потомки жили лучше, чем живут они сами, чтобы их чада смог-

ли добиться в жизни того, чего они не добились сами, чтобы они продлили их род после их исчезновения, которое приводит их в ужас. Или же если они так не думают, то повинуются силе, которая превыше их.

Но люди, чувствующие, что сами держат в руках свою судьбу, не боящиеся смерти, не испытывают потребности в размножении.

Кстати, можно было заметить, что гений никогда не порождает гения. Рождаются от него самое большее биографы отца, участники памятных церемоний, которые получают в наследство должность потомков гения, подобно тому как получают в наследство банк или землю, не имея никакой возможности от этого отделаться. Но никогда у этих детей не случалось чего-то вроде совпадения способностей, характера и обстоятельств, которое позволяет сотворить великое произведение, сделать великое открытие или совершить великое путешествие.

В Византии членов императорской семьи кастрировали, когда исключительные способности выводили их на высокие посты в государстве, для того чтобы не было путаницы между их личным престижем и естественной обязанностью являться воплощением идеи империи. И они становились стерильными, но отнюдь не слабыми. Это имело место в первые века христианства и происходило с одобрения епископов, но церковь про это забыла.

Кажется, что род людской поступает так, что, с одной стороны, через максимальное число своих членов он постоянно размножается с целью постоянного улучшения своего положения, все более полного удовлетворения своих желаний, необозримого расширения своего владычества, а с другой стороны, в рамках каждого поколения в ограниченном числе индивидуумов он демонстрирует этапы своего восхождения и подводит итоги последовательному воплощению в жизнь своей цели и, соответственно, своим успехам.

Другими словами, человечество, начав работу над созданием божественного сверхчеловека, не имеющего пределов мо-

гущества, не пресыщающегося своим счастьем и способного в конечном счете переделать вселенную, оставляет на своем пути частичные заготовки, образчики такого сверхчеловека в качестве многообещающих доказательств прошлых своих успехов и отправных точек своих будущих свершений.

Любовь, рассматриваемая как высочайшее свершение, как спокойное и постоянное блаженство, свободное от каких бы то ни было проекций в будущее, является одним из идеальных качеств сверхчеловека.

Замужние женщины являются чистилищем человеческого рода, а куртизанки — его раем или по крайней мере ступеньками в этот рай.

Требовательные к жизни, потому что любят в первую очередь самих себя, знающие утонченные приемы получения наслаждения, способные извлекать из собственной плоти и из плоти других неисчерпаемые вариации и богатства музыки, склонные к любому наслаждению и принимающие любовь за то, чем она на самом деле является — великим актом, находящим свой конец в самом себе, — куртизанки созданы для того, чтобы испытать сладострастие бытия и поделиться им с мужчинами их породы.

Наше время не благоприятствует жрицам любви. Мир захлестнула гигантская волна стыдливости, хотя мы сами этого почти не осознаем. Буржуазное общество, готовое пасть, пытается защитить себя, навязывая людям строгое соблюдение старых запретов. В арсенале своего законодательства и в церковной ризнице оно может откопать только те приемы, которые ему когда-то помогли, и поэтому оно продолжает вещать, что обман — это правосудие, а изобилие — грех.

Что же касается вновь зарождающегося общества, то оно пока полностью занято самосозиданием, целиком устремлено в коллективное будущее, все его силы непременно потребуются для формирования более счастливого поколения людей. У него неотложная задача: оно не может пока допустить, чтобы индивидуум жил для самого себя. И оно по-своему впало в «грех Онана».

И любовь, как щемящая тайна нашего происхождения и нашего конца, является одним из тех вопросов, которые менее всего освещены диалектическим материализмом. Будучи не в состоянии дать ответ, материализм — и это вполне возможно — не найдет ничего лучшего, как взять на вооружение в этом вопросе мораль старого прогнившего общества.

Кому-то, вероятно, покажется удивительным то, что сюжет романтического произведения стал поводом для подобных размышлений или же их результатом. Но ведь роман — это иногда и способ постановки под легкой кисеей выдумки некоторых аспектов важной проблемы.

А ведь неудовлетворенность в любви — третья по значимости (после смерти и голода) проблема, которая очень волнует человечество.